

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Дефиле по подиуму

Вера и Марина Воробей

Дефиле по подиуму

Серия «Романы для девочек»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163009

Воробей В. и М. Дефиле по подиуму: Росмэн-Пресс; М.: 2006

ISBN 5-353-02158-4

Аннотация

После успешно сданных экзаменов за девятый класс Аня Малышева, приложившая немало усилий, чтобы избавиться от комплексов по поводу своей внешности, решила закрепить успех и отправилась в школу при одном из московских модельных агентств. Ради этого она отказалась поехать на летние каникулы в Прагу вместе с Ваней Волковым. Ваня же решил, что Аня его разлюбила, и, вернувшись в Москву раньше срока, стал за ней следить...

Содержание

1	4
2	13
3	19
4	27
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вера и Марина Воробей

Дефиле по подиуму

1

Когда Аня Малышева и Ваня Волков провожали Софью Александровну и Ирочку в аэропорт, Аня предложила:

– Привозите Ирочку к нам через полтора месяца. Мы в лагерь едем. Там лес, речка и вообще будет здорово!

Ваня от удивления даже рот открыл:

– Нормально! А как же насчет...

– С Пал Палычем я договорилась, он не против, если мы будем за ней приглядывать. Ну что, сестренка, – обняла она Ирочку, – поедешь в лагерь?

Ирочка радостно закивала головой. Софья Александровна с дочерью улетели в Прагу.

Казалось, все было распланировано и расписано по дням. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает...

Павел Павлович, которого все называли просто Пал Палычем, был руководителем экстрим-клуба «Нить Ариадны», куда Аня с Ваней попали совершенно случайно. Но они так увлеклись походами, слетами и соревнованиями, что стали серьезно перестраивать свою жизнь. Ане приходилось осо-

бенно трудно. Родители разрешили ей поехать вместе с клубом в летний лагерь только при условии, что она закончит девятый класс без троек и перейдет в десятый.

Аня каждый день делала все домашние задания без исключения и на уроках сама тянула руку – нужно было до конца последней четверти успеть исправить все оценки. И все вроде бы шло хорошо, если бы не физкультура.

– Физическая культура! Это ж кто ее так назвал? Просто бескультурье какое-то, издевательство над молодым, неокрепшим организмом. Боже, ну за что мне такие муки? – стенала Аня по утрам – так болели все мышцы.

– Анька, кончай ныть! Каждое утро одно и то же! – крикнула из кухни Марина Сергеевна. – Ты сама сделала свой выбор. Можно подумать, мы с отцом гоним тебя в этот экстрим-лагерь!

– Ага! Требовать от ребенка невозможного – это, по-вашему, благородно? – Аня сползла с кровати.

– А я не благородный, я из крестьян. – Николай Петрович, смеясь, подключился к разговору. – А в деревне как? Что посеешь, то и пожнешь.

– Не хочу сеять, хочу все на блюдечке с голубой каемочкой получить, – проворчала Аня. – Вот спрашивается: зачем все детство вы морочили мне голову русскими народными сказками? Настроили, понимаешь ли, на волшебство: скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, шапка-невидимка, а еще молочные реки с кисельными берегами... А в резуль-

тате?

– А в результате один только Иванушка-дурачок тебе и достался. – Папа громко захохотал.

– Люди добрые, ну разве можно с такими родителями стать серьезным человеком?! – воскликнула Аня.

– А серьезным как раз не обязательно, – уже вместе смеялись мама с папой.

– Что, справились большие дяди и тети с маленькой девочкой? – Аня заявила на кухню завтракать. – Ребенок голодает, а они плюшками балуются! Где мой завтрак Клеопатры?

Как-то Аня по совету мамы отправилась в салон красоты. Там она познакомилась с мастером Татьяной, и эта удивительная женщина произвела на нее такое впечатление, что Аня, поддавшись ее обаянию, отважилась на самые смелые шаги. Татьяна сделала Ане короткое и пышное каре, которое так шло к ее круглому личику, и покрасила блеклые волосы хной и басмой. Получился красивый темно-каштановый цвет. В довершение ко всему ей покрасили специальным составом ресницы, отчего глаза стали казаться больше и выразительнее. И именно Татьяна посоветовала для питания кожи и волос очень полезный так называемый французский салат: полчашки овсянки залить кипятком, добавить ложку меда, орехов, мелко нарезанных фруктов. Аня, хихикая, называла его завтраком Клеопатры.

Одеваясь, Аня тихонечко подпевала Бьорк, которую

включала каждое утро. На стене в рамочке висел билет с ее автографом, который Волков раздобыл на том концерте, когда Ира Дмитриева познакомила их с Артемом. Тут же висел портрет самой Ани – подарок Иры на день рождения.

– Но она же красивее меня! – кивнула на портрет Аня и, вздохнув, посмотрела в добрые глаза подружки.

– Просто ты себя недооцениваешь! – искренне ответила Ира. – Я же объективно смотрю на тебя со стороны глазами художника, и с художественной точки зрения ты – само очарование.

Такая уж она была, ее подруга – все рассматривала с художественной точки зрения. Аня тогда ей не поверила. Но сейчас, когда она похудела, подтянулась и от этого похорошела, ей стало казаться, что она действительно похожа на свой портрет.

– Доброе утро! – подмигнула Аня своему акварельному двойнику.

Школа встречала учеников гомоном голосов, хлопанием дверей, топотом снующей под ногами малышни и стонами спешащих в учительскую педагогов.

Аня причесалась перед зеркалом и пошла в кабинет истории. Сегодня можно было чуть-чуть расслабиться. Основные предметы она подтянула, осталась только физкультура. Хотя впереди еще были экзамены.

– Всем привет! – Аня поискала глазами Ваню.

– Привет, привет! – раздалось со всех сторон.

– Здравствуй, солнышко! – Волков всегда так тихо и так тепло это произносил, что каждый раз слова звучали, как признание в любви.

– Вань, как ты?

– Нормально.

– Что у нас на сегодня?

– Слушай, вчера вечером звонил кэп. Он хочет нас видеть.

– Что-нибудь случилось?

– Да ничего. Что ты всполошилась? Я думаю, он хочет решить какие-то организационные вопросы. После него еще звонили Фриз, Змей и Дорсэт, спрашивали, знаю ли я, в чем дело. Кэп их тоже позвал.

– Пал Палыч вообще ничего не сказал? – Аня с тревогой заглядывала в его голубые глаза.

– Да успокойся. Переживать надо было из-за Ирочки, но ее приезд отменяется, поэтому теперь тревожиться нечего.

– Ты думаешь?

– «Никогда не жди неприятностей, они не замедлят появиться сами» – так всегда говорит мама. У нас с тобой все неприятности в прошлом. Чего бояться? – Ваня с улыбкой пожал плечами. – Или ты в Борьку Шустова влюбилась?

– Вот дурачок! – Аня звонко рассмеялась.

– Нет, правда, давайте все станем смеяться, обниматься, а к спектаклю один Кахобер будет готовиться! – подбоченясь, пропела Туся Крылова. – Вы, голубки, спецэффекты обеща-

ли, так сказать, экстрим-шоу. Помните?

– Тусь, все продумано, идет процесс подготовки. Консультируюсь у специалистов высшего класса. Анька все декорирует и минимализирует, как свои бонсай. Нам Змей обещал помочь, он в этом ас.

– А школу твой ас не взорвет? – поинтересовалась Лиза Кукушкина.

– Ты что? У нас экстрим-колледж, а не школа террористов, – возмутилась Аня.

– Можно подумать, между ними есть какая-то разница, – проворчал Макс Елкин.

– Что за черный юмор, Максим? Здравствуйте, ребята! – Кахобер Иванович вошел в кабинет, улыбаясь и размахивая издавшим виды портфелем.

– Кахобер Иванович, когда репетиция? – спросила Туся.

– Как договаривались, после уроков. 27 мая репетиции заканчиваем. Кто имеет хвосты, из спектакля выбывает. На войне как на войне. Сдаем экзамены только на «четыре» и «пять».

– Ого! – заколыхалась аудитория.

– Ничего невозможного нет. Пример для всех – Аня Малышева. Захотела – сделала.

– У нее Волков в группе поддержки. К тому же она у нас экстремалка, – застонал Ежов.

– Некоторые могут обратиться к старосте класса Юле Туповой, – улыбнулся Кахобер Иванович. – И потом, ты же

д'Артаньян, Николай, а гасконцы всегда отличались упорством. Далее. В день сдачи каждого экзамена будем собираться на пару часов для прогона спектакля. И еще, мы все распределили, все обговорили, вы уже достаточно взрослые, чтоб отвечать за свой участок работы. Я думаю, что, если в постановке что-то будет недоделано, зрители нас простят, а вот виновника прокола будут мучить угрызения совести. Совесть-то у вас есть, дети мои? – Кахобер Иванович прошелся по рядам хитрым взглядом.

– Не-а! – хором ответил девятый «Б» своему классному руководителю.

После уроков Малышева бросилась в спортзал. Кахобер Иванович сказал, что с «хвостами» к репетициям не допустит. Она была полна решимости. Должно же это когда-нибудь закончиться!

– Здравствуйте! – крикнула Аня пустому залу.

– Здравствуйте, – ответил пустой зал голосом физрука Лапушки, который вышел из тренерской комнаты, держа в руках банку с краской. – Малышева, ты что здесь делаешь?

– Ну а как же? Занятия наши по понедельникам, средам, пятницам. Я ж у вас годовую четверку выклянчиваю, а вы из меня Никиту делаете. Бог вам в помощь, Игорь Вячеславович.

– Ну, Аннет, про Никиту забудь. Кончились твои мучения.

– Это как понимать?

– Это значит конец – всему делу венец. Кахоберу Ивановичу я уже все сказал.

– Что сказали-то?

– Что ставлю тебе годовую четверку и горжусь тобой. Была селедкой, а стала акулой.

– Спасибо! Но я ж «козла» не сдала.

– Да бог с ним, с «козлом». Я вот что хочу тебе сказать. Моя сестра занимается с такими девочками, как ты, в школе фотомоделей и манекенщиц.

– Что, что?

– Что слышала. С комплексами и разными фобиями надо бороться самыми решительными методами. Короче, я с Катей говорил о тебе. Понимаешь, сейчас тебе не горные вершины надо покорять, а собственные глубины изучать. А Катя моя в этом толк знает. Ведь это тоже своего рода экстрим. А посему возьми на столе визитку, а то я весь в краске. – И Лапушка стал усердно размешивать краску, как будто ничего важнее для него не было.

Аня словно на автопилоте прошла в тренерскую, взяла со стола визитную карточку, прошептала: «Спасибо, до свидания» – и вышла из спортзала.

«Что это было сейчас? Он вообще в своем уме? Я думала, что это он меня достал своей физрой, а оказывается, я его до шизофрении довела. Видно, моя висющаяся на канате пятая точка добила его окончательно. Слава богу, никто не

слышал, а то пришлось бы, как Волкову, в другую школу переводиться». — Аня как во сне брела по коридору.

— Ань, ты что? Что случилось? Он тебя совсем замучил? — Иван преградил ей дорогу. — Пойдем в актовый зал, посидишь, отдохнешь. Кахобер тебя искал.

Аня, вздрогнув, убрала руку с визиткой за спину. Карточка была пластиковая, ее края больно впивались в ладонь, но Аня даже не чувствовала боли. Ни в коем случае нельзя показывать ее Ване. Почему? Эта мысль даже не успела оформиться. Нельзя, и все тут!

— Аня! Я же при всех сказал, что ты уже решила все свои проблемы, — сказал Кахобер Иванович, когда они вошли в зал. — Где ты ходишь? Мы тебя заждались. Так, начинаем, — хлопнул он в ладоши.

Аня спрятала карточку в рюкзак и решила для себя, что пока об этом думать не будет. Что у нее, дел больше никаких нет, что ли? К концу репетиции ступор у Ани прошел окончательно. Действительно, зачем забивать голову разными пустяками, когда столько ответственных и интересных событий впереди?

К дому Пал Палыча они приехали вечером, часов в восемь. Погода была чудесная, про такую говорят: «шепчет». Аня несла печенье, а Иван пакет с бананами.

– О, нашего полку прибыло! – заголосили эксплореры.

– Что там у вас вкусенького? – Ека сунула нос в Ванину сумку.

– Пал Палыч, здравствуйте! Как вы себя чувствуете? – Ваня с Аней радостно улыбались.

– Здорово, друзья! Проходите, проходите. – Кэп сидел прямо на полу.

Рядом в кружок сидели все знакомые ребята: Змей, Фриз, Дорсэт, Хуб, Игл и Дэзи с Екой.

– Вольф и Аннет вечно опаздывают, – проворчал Хуб.

В центре круга расстелили салфетки, поставили большие кружки с изображением достопримечательностей разных городов. Девушки выложили фрукты, печенье, конфеты, разрезали торт.

– Кому чай, кому кофе? – спросила Дэзи.

Аня чувствовала себя очень уютно в этой странной комнате, похожей на поляну. Здесь не было мебели, не было штор и жалюзи, не было ничего, что бы делало ее похожей на другие комнаты. На полу лежал зеленый, как трава, палас, а по стенам были развешаны разные сувениры, находки, трофеи.

Мирно лилась беседа, изредка прерываемая шутками и смехом. Змей тихо перебирал струны гитары, изредка бросая взгляды на Дэзи. Аня посмотрела на нее более внимательно.

Девушка не выделялась той броской красотой, которая обычно привлекает внимание с первого взгляда, но все ее движения были полны такой естественной грации, что глаз невозможно было отвести. Вот она протянула руку, и у Ани перед глазами возникло видение – адажио из балета «Лебединое озеро». Рука Дэзи будто сама по себе плавно двигалась, и все неотрывно следили за ней. Вот Дэзи повернула голову, и в сумраке комнаты словно мелькнула изящная тень знаменитой скульптуры Родена.

«Боже, как это прекрасно! – промелькнуло у Ани в голове. – Я безумно хочу вот так же владеть своим телом! Но так я не смогу никогда, с этим надо родиться. Разве могут этому научить? – закралось в ее душу сомнение. – Но ведь должен человек совершенствоваться! Ведь все в нем должно быть прекрасно, как учат классики». – Аня не слышала, о чем говорят ребята. Она искоса взглянула на Ваню и увидела, что он тоже не отрываясь смотрит на Дэзи. Все смотрели на нее, даже Пал Палыч. Аня перевела взгляд на Еку. Та пристально, с ухмылкой, смотрела Ане в глаза. «Что, забеспокоилась девочка-ромашка за своего мальчика-колокольчика?» – говорил ее взгляд.

– Ну что, эксплореры? Час настал, и я должен сообщить вам пренеприятное известие. – Кэп потупил взгляд.

– К нам едет ревизор, – хмыкнул Дорсэт.

– Нет, от вас уезжаю я, – с трудом произнес кэп.

– Куда?! – хором выдохнули ребята.

– В больницу. Надо малость подлечиться. Есть кое-какие осложнения. Тянуть больше нельзя.

– Да что с вами такое?

– Ничего страшного. Не буду нагружать вас медицинскими терминами, – сказал кэп. – Осенью встретимся. Ну что носы повесили? Нормальная рабочая ситуация. Нельзя откладывать на завтра то, что можно и нужно сделать сегодня. Я однажды отложил, теперь судьба меня нагнала и вернула на три хода назад, чтобы сделал то, что отложил. Обманул самого себя. Что касается летнего лагеря, то, кто желает, может присоединиться к другим группам. Я буду договариваться индивидуально. Меня не позорить. Дисциплина железная. Кто проштрафится, пеняйте на себя – придется расстаться навсегда. Ека, слышала? – строго спросил кэп. – Потом немного подумал и добавил: – А вообще, я в вас не сомневаюсь. Все, разбегаемся. Всем пока. Созвонимся. Аннет и Вольф, задержитесь, мне надо с вами поговорить.

Ребята стали молча выходить, качая головами и уныло поглядывая друг на друга. Конечно, все были расстроены. Команда есть команда, и если она распадается, пусть даже временно, то пропадает азарт игры.

Когда дверь за ребятами закрылась, в комнате повисла гнетущая тишина.

– Даже не знаю, как вам сказать, – вздохнул Пал Палыч.

– Не надо ничего говорить, мы все понимаем, – тоже вздохнул Волков. – У нас пока мало опыта, мы в клубе всего ничего. Кто возьмет нас в команду?

– Нет, не то ты говоришь, – возразил кэп. – Понимаешь, я вашим родителям обещал глаз с вас не спускать. Как я могу передоверить вас другим людям? Поймите меня, прошу вас. – Кэп стукнул себя в грудь и поморщился от боли. – У нас еще столько походов впереди!

– Конечно, выздоравливайте поскорее. – Аня потянула Волкова к выходу. – До свидания!

– До свидания!

Аня пулей выскочила на улицу, Ваня едва поспевал за ней. Стоило ей пройти несколько шагов, как слезы градом показались по щекам.

– Как же так, Вань? Ну почему? За что это? Я так хотела, так старалась, я все сделала, чтобы поехать, и такой облом! – Ане не хватало воздуха, она не успевала сделать вдох.

– Тише, тише! Ань, солнышко, ну не плачь! – стал успокаивать ее Ваня. – Я не могу видеть твои слезы. Прошу тебя, успокойся.

Он все шептал и шептал, глядя девушку по волосам, целуя мокрые соленые щеки, сжимая ее руки в своих ладонях. Ваня пока еще не успел оценить постигшей их неудачи, он понимал только одно: сейчас надо успокоить, отвлечь любимую девушку, а делать выводы, принимать решения – все потом.

Они медленно брели домой, то останавливаясь и обсуждая слова Пал Палыча, то замолкая, обдумывая дальнейшие ходы. Переливая из пустого в порожнее, они и так, и эдак раскладывали сложившуюся ситуацию, но решение оставалось неизменным – с лагерем в этом году ничего не выйдет.

Как-то незаметно они добрались до Аниного дома, долго стояли у подъезда и не могли никак расстаться. Эта неудача еще сильнее сплотила их. Казалось, стоит им сейчас разойтись, и судьба-злодейка добьет их поодиночке. Но часы неумолимо отсчитывали положенное время, и, поцеловавшись на прощание, Малышева с Волковым расстались.

– До завтра. Спи спокойно, – прошептал Ваня. – Мы что-нибудь придумаем.

– Спокойной ночи. – Аня вошла в дом.

Открыв дверь своим ключом, Аня сообщила родителям, что пришла, и заперлась в ванной. Равномерное журчание воды немного успокоило нервы. Аня погрузилась в пенную воду и зажмурила глаза. Она любила под шум льющейся воды вести вслух диалог со своим вторым «я».

«Только такая дура, как ты, может решить, что все должно быть тип-топ», – сердито проговорила ее рациональная, разумная, половина.

«Но я же так старалась!» – оправдываясь, возразила иррациональная, уповающая на эмоции, половина.

«А твои старания и были оплачены с лихвой, или не так?»

«Стала бы я только из-за оценок так напрягаться!»

«Конечно, мы ведь привыкли учиться на троечки, быть страшненькими и толстенькими, страдать оттого, что нас никто не любит, и при этом очень себя жалеть». – Рациональная половина явно вела в счете.

«Ничего подобного! Что ты хочешь этим сказать?» – не сдавалась иррациональная половина.

«А то! Налицо множество побед, и на этом фоне какая-то несостоявшаяся поездка в какой-то экстрим-лагерь, где и кроватей-то нормальных нет, выглядит полной ерундой».

«Но так хочется!»

«Хочется – перехочется!» – усмехнулось рациональное «я».

Диалог был закончен. Как всегда, победила дружба, в душе у Ани установилось относительное равновесие, и она отправилась спать. Даже есть совсем не хотелось!

3

– Утро красит нежным светом стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом вся советская земля.

Кипучая, могучая, никем непобедимая

Страна моя, Москва моя – ты самая любимая! —

голосил папа, бреясь в ванной.

– Ужас какой! – простонала Аня.

– Нюрка, это не ужас, это я, твой родной папа, песню пою.

– Терпеть не могу эту твою Нюрку, – ворчала дочь.

– Вот встанешь, умоешься и сразу станешь Аннушкой.

– Я и Аннушку терпеть не могу!

– Тогда не умывайся, все равно смысла никакого нет, –
засмеялся папа.

Проснувшись, Аня не сразу поняла причину своего ворчливого настроения, но постепенно действительность начала приобретать ясные очертания. Сразу вспомнились детские раскраски, «Волшебные картинки» назывались. На лист бумаги наносилась сухая акварель, поэтому рисунок был бледным и нечетким. Но как только к нему прикасались мокрой кисточкой, картинки сразу оживали и становилось радостно, как от чуда. А вот сегодня радостно не становилось, потому

что «Волшебные картинки» оказались очень грустными.

«Так ты помнишь наш вчерашний разговор?» – снова ехидно спросила разумная, правильная, половина.

«Да помню, помню я все!» – обреченно вздохнула неправильная половина и в отместку своему рационализму пошла на кухню и с удовольствием выпила чай с жутко калорийной и ужасно вредной сдобной булкой.

Пустячок, а приятно.

Едва войдя в класс, Аня столкнулась с Волковым.

– Ань, я все придумал! – Он возбужденно размахивал руками.

– Ванечка, во-первых, доброе утро.

– Доброе утро.

– Во-вторых, успокойся и говори тише. В-третьих, ты спал сегодня? – Аня поправила ему воротник рубашки.

От ласкового прикосновения ее нежных рук Ваня поперхнулся и смутился:

– Спал, конечно, но недолго. А ты?

– А я очень хорошо спала, крепко и без сновидений. Знаешь почему?

– Ань, я не понимаю, ты о чем?

– О том. Я вчера закатила истерику, а сегодня мне стыдно. Подумаешь, две недели не так пройдут, как хотелось. Тоже мне горе! Я ведь вчера даже за Пал Палыча не расстроилась так, как за себя. Стыд какой! А ведь у него действительно

что-то серьезное, раз он от лагеря отказался, отложить свою больницу не смог. Так что ты меня не жалея, а наоборот, поругай.

– Так... Ты не перестаешь меня удивлять. – Ваня заулыбался, а улыбка у него была ослепительной.

– Сегодня же позвоним кэпу и успокоим его, скажем, что мы немного расстроились, но запасемся терпением и будем ждать его выздоровления. Точно?

– Умничка! – У Волкова сразу отлегло от сердца.

Только Аня могла вот так резко менять свое настроение. Вчера вечером он так испугался за нее, что сам даже не успел расстроиться. Решение пришло само собой. Они с Аней могут поехать на каникулы в Прагу. Софья Александровна была бы счастлива, не говоря уже об Ирочке. Сестра обожала и Ваню, и Аню. Она даже предложила Аньку усестрить: мол, раз теперь у нее есть брат, то очень хочется и сестренку – именно Аню.

Муж Софьи Александровны, Леон Богуславович, преподавал в старейшем в Европе Карловом университете, и они могли бы прекрасно провести время с новыми родственниками и новыми друзьями – студентами из России. Правда, в прошлый их приезд Волкова изматывала глупая ревность, а Аня места себе не находила от недостатка Ваниного внимания. Глупость, конечно, но они с этим разобрались и больше на одни и те же грабли наступать не собираются. Поэтому отдых может получиться незабываемым. Главное – найти

деньги на поездку и уговорить Аниных родителей отпустить дочь. В прошлый раз родители были долгое время против, но ведь сейчас они уже знают, куда и с кем поедет их Аня. Только когда сказать об этом Ане? Она такая впечатлительная, что, пожалуй, лучше поговорить после уроков.

День пролетел незаметно. Все из-за того, что оценки уже были все выставлены, а на уроках шло повторение пройденного, подготовка к экзаменам. Сейчас учителя, казалось, волновались гораздо больше своих учеников. Каждый преподаватель старался впихнуть в ленивых, дремавших за партами девятиклассников как можно больше информации. По итогам экзаменов будет производиться набор в десятые классы, но важно не только это. Результаты экзаменов говорят об уровне преподавания, поэтому экзамены очень важны и для педагогов, и для учеников.

После уроков два девярых класса, «Б» и «В», собрались в актовом зале на репетицию «Трех мушкетеров». Постановку планировали показать на выпускном вечере. Кахобер Иванович с удовольствием потирал руки, предвкушая интересную работу. Когда-то он ушел со второго курса театрального училища, но запах кулис все равно манил его. Так в школе стали появляться спектакли, покорявшие своей искренностью и неординарностью. На репетициях кипели нешуточные страсти, поощрялась любая инициатива. Даже самые пассивные приходили на репетиции, чтобы просто посмотреть, и уже через десять минут кричали, что так не похоже или что так

не смешно. И Кахоберу Ивановичу все это очень нравилось.

Волков и Малышева отвечали за спецэффекты, поговорить им опять не удалось. «После репетиции», – подумал Иван и уткнулся в какую-то штуковину. Ира Дмитриева, естественно, была художником-оформителем спектакля. Она потащила Аню с собой показать готовые декорации. Потом Аня покрутилась около мальчишек, которые во главе с Ваней придумывали всякие хлопущки, ветры, туманы и прочие хитрости.

Уютно устроившись в стороне от сцены, Малышева приступила к оформлению афиши.

Главная премьера сезона! Хит года!
Спешите посмотреть!

ТРИ МУШКЕТЕРА

(Краткая инсценировка)

д'Артаньян – Николай Ежов
Атос – Борис Шустов
Арамис – Виталий Комаров
Портос – Владимир Неделкин
Анна Австрийская – Наталья Крылова
Людвик XIII – Вадим Ольховский
герцог Бэкингем – Сергей Белов
кардинал Ришелье – Максим Елкин
констанция Бонасье – Юлия Туполева
Леди Винтер – Алиса Залетаева

де Жюссак – Василиса Остапченко

В остальных ролях – учащиеся девярых классов

Режиссер – Кахобер Иванович Калмахелидзе

Помощники режиссера – добровольцы

Сценарий – Елизавета Кукушкина

Художник-постановщик – Ирина Дмитриева

Художник по костюмам – Елена Серова

Музыкальное оформление – Светлана Калинина

Балетмейстер – Варвара Дробышева

Световое оформление – Марина Голубева

Спецэффекты – Иван Волков и Анна Малышева

Премьера спектакля состоится

12 июня в 17.00.

Аня чуть-чуть отодвинулась и посмотрела на свою работу. Результатом она осталась довольна, и, самое главное, ей никто не мешал со своими советами. Вот теперь афишу можно показать всем. Надо посоветоваться, куда ее повесить, чтоб глаз радовала и артистам не давала расслабляться.

Ваня подкрался незаметно и даже присвистнул. Тут же сбежались почти все.

– Ну, Малышева, ты даешь! Клево!

– Здорово! Как в настоящем театре.

– Класс! Осталось только название театру придумать, например «Кахо».

– Ну-ну-ну! – засмеялся Кахобер Иванович. – Спасибо,

Аня, прекрасно получилось. Так, на сегодня закончили.

Ребята гурьбой высыпали из школы и, смеясь и возбужденно обсуждая сегодняшнюю репетицию, стали расходиться по домам. Кахобер посмотрел им вслед, улыбнулся в усы, вдохнул полной грудью весенний воздух и отправился домой, весело насвистывая «Пора-пора-порадуемся на своем веку...».

– Ну что, хохотушка моя, устала? – Ваня забросил Анин рюкзак себе на плечо.

– Нет. Когда в удовольствие, знаешь ли, так хорошо! – Аня подняла руки и потянулась к небу.

Она чувствовала, что вчера что-то перевернулось в ней, и ощутила вдруг внутри какую-то силу.

– Ну надо же, с самого утра не можем с тобой поговорить, – сказал Волков. – То одно, то другое. Я вчера вот что подумал. А поехали вместе в Прагу на месяц?

– Вань, да ты что!

– Ну пожалуйста! Мама вчера звонила. Я ей рассказал про наш облом с лагерем, так она как закричит, что Бог все-таки есть, что услышал ее молитвы, что ждут нас с тобой в гости. Я слышал, как Ирочка завизжала от радости и Леон Богуславович захлопал в ладоши.

– Как ты не понимаешь, что они именно тебя ждут. Я не могу так злоупотреблять гостеприимством твоих близких. А потом, это ведь деньги, очень большие деньги.

– Мы что-нибудь придумаем, обязательно! – Волков все

время забегал вперед и заглядывал Ане в глаза.

– Нет, Вань, я не поеду. – Аня уже приняла решение.

– Я все равно поговорю с твоими родителями, – упрямо пробубнил он.

– Зачем? Я же тебе ответила.

Оттого, как спокойно и уверенно Аня это произнесла, Ваня почувствовал безысходность.

– Тогда я тоже никуда не поеду. Без тебя – никуда.

– А вот это уже... Не ожидала от тебя. Мама ведь ждет тебя каждую минуту. Зачем ты ее разыскивал? Чтобы теперь играть: захочу – приеду, не захочу – не приеду?

– Аня, что ты несешь? – Волков вытаращил глаза.

– Вань, я очень тебя люблю, но еще я тебя уважаю. И одно без другого существовать не сможет. Поцелуй меня.

Они долго стояли под огромным тополем и нежно смотрели в глаза друг другу.

Аня вошла в квартиру и сразу почувствовала напряжение, застывшее в воздухе. Родители тихонько сидели на кухне, и даже телевизор не вещал про катаклизмы на планете.

– Так, что случилось? – Аня пристально всмотрелась в тревожные глаза мамы.

– Доченька, мы все знаем.

– Про мою беременность?

– Про какую беременность? – Мать с отцом переглянулись и побледили.

– Шутка! – сказала Аня.

– Ань, ты нормальная? – Мама улыбнулась, а до папы пока еще не дошло.

– А что? – пожала плечами Аня. – Ванькины родители однажды перепугались, а потом уже на все согласны были. Я тоже решила вас повеселить. Какая-никакая разрядочка. Ну, что у вас случилось?

– Так! Я не понимаю, мы рожаем или не рожаем? – Папа смотрел то на жену, то на дочь.

– Вот это реакция, это я понимаю! – Аня заливисто захотала.

– Коль, ну ты что? – Марина Сергеевна посмотрела мужу в глаза. – Ань, звонил Пал Палыч, он нам все рассказал. Что ж ты сама вчера промолчала?

И тут накатило. Хохот перешел в истерику, остановиться Аня уже не могла. Такое с ней было впервые. Уши заложило, перед глазами стояла пелена. Как в тумане, Аня видела вскочивших родителей, пролитый чай, растерянные глаза папы. Хохот невозможно было остановить, хотя в животе начались жуткие спазмы: «Еще немного, и я лопну. Так вот почему так говорят».

Мама плеснула в лицо дочери холодной водой, и Аня стала выпрямляться из скрюченного положения, резко вдыхая воздух.

– Ой, не могу, ой, чуть живот не лопнул, – еле выговорила она.

И тут же ее покрасневшее, мокрое лицо исказила гримаса боли и страдания. Аня горько зарыдала, бросившись маме на грудь.

– Все, я больше не могу! – Николай Петрович схватил сигареты и выбежал на балкон.

Мама обняла Аню и потащила ее в ванную.

Через час они сидели в Аниной комнате, и Аня все говорила, говорила и говорила... Казалось, все эти три, даже четыре года она мысленно вела дневник и все переживания и радости записывала в него. Как будто мамы не было рядом или кто-то мешал им поговорить. И вот наконец настал момент, когда Аня захотела прочесть вслух маме все свои записи. Она лежала на диване, а мама сидела рядом и держала ее руку, ласково поглаживая. Спутанные волосы девушки

были разбросаны по подушке, а опухшее от слез лицо светилось искренностью, и с каждым словом на душе становилось легче и светлее. Как же она могла так долго держать все в себе? Зачем надо было таиться от самых близких людей?

– Понимаешь, мамочка, я сама себе была противна – толстая, неуклюжая, страшненькая. Ведь у всех девочек уже что-то было, пусть не любовь, но какие-то отношения. А я? Я даже всегда смеялась над их разговорами о мальчишках, а на самом деле безумно завидовала. Ну что, что во мне было хорошего?

– Дурочка моя. В каждом человеке есть что-то хорошее. Я вот смотрю на нашу Людмилу с работы – красавица, умница, а муж какой-то неказистый. Но если б ты знала, какая у них любовь!

– Вот именно. Мужчина может быть некрасив, в нем ценятся совсем другие качества. А женщина должна быть привлекательной.

– Нет, не то. Женщина должна знать, что она привлекательна. Ты чувствуешь разницу?

– Да как же это можно знать, если ты видишь в зеркале совсем другое. Я вот как увидела Ваньку первый раз, сразу подумала – этот человек для меня. Сама ведь первая подошла. И что? Он влюбился в Светку Красовскую, потому что она красивая.

– Твоя логика меня убивает. Ты сама себе противоречишь. Где Ваня и где Света сейчас? Ведь у вас такие пре-

красные отношения с Ваней. Или вы поссорились?

– Вот! Вот теперь переходим к следующей проблеме. Да, я очень счастлива сейчас. Но как долго это счастье продлится? Я не могу ни на минуту расслабиться. Я все время жду, что завтра все это закончится и я опять останусь одна. Ма-муть, если б ты знала, как безобразно я вела себя в Праге! Я ведь его даже к матери приревновала, почему он, видите ли, ей уделяет то внимание, которое по праву должно принадлежать мне. А Ирочка! Бедный ребенок стал раздражать меня буквально на второй день. А ведь она приехала совсем ненадолго. И ты хочешь, чтоб я себя любила? Идем дальше. Мы с Ваней все время вместе, я даже на шаг боюсь его от себя отпустить. Я и в экстремалку с ним бросилась, чтобы разнообразить наши встречи, чтоб он мной восхищался. Но в то же время я очень устала от напряжения, в котором постоянно нахожусь. Мам, я вчера поймала его взгляд – он так любовался Дэзи у Пал Палыча... Это та девушка, что мне очень нравится.

– Вот видишь, тебе она тоже нравится.

– Да, но я-то в нее не влюблюсь, а другая – Ека – так ехидно надо мной посмеивалась. Говорит, что наша с Ваней любовь ненадолго. Вчера Пал Палыч как сказал, что мы не едем в лагерь, так у меня чуть ноги не подкосились. И не потому, что в лагерь хочется, а потому, что разлепиться с ним не можем. А сегодня утром он мне говорит, что мы поедem в Прагу. Я как представила себе его беготню между мной и мамой,

сразу поняла, что не хочу этого.

– Теперь послушай меня, дочь. Ты знаешь, я даже счастлива, что тебя прорвало. Вот теперь все встанет на свои места. Сначала ты пребывала в состоянии сжатой пружины, для подростка это нормально. Я себя прекрасно помню – все не нравится, всем недовольна, зажимаешься. Потом любовь тебя сильно-сильно растянула и долго держала в таком напряжении. А сейчас ты сорвалась и встала на свое место. Я тебя умоляю, прекрати кому-то что-то доказывать, так жить нельзя. Полюби себя такой, какой любим тебя мы с папой, Ваня, Ира, ваш Кахобер. Разве стоит тратить жизнь на то, чтобы доказывать что-то какой-то Еке? Лучше возьми для себя в пример все красивое, радостное, доброе. Знаешь, как я счастлива твоими победами. А комплексы твои давай лечить, как ветрянку. Вместе мы справимся. И с Прагой ты совершенно права. Пусть Ваня едет один, а то будет перебор. Вам надо немного поскучать друг без друга. А потом, любая уважающая себя женщина должна иметь в своей жизни хоть один роман в письмах.

– Но что же я скажу завтра Ване?

– Вот теперь ты зришь в корень. Ваню обижать не надо. Извинимся и скажем, что это невозможно по одной простой причине – эти каникулы он должен полностью посвятить своей маме. Всегда проще говорить правду. Так должно было быть в ту первую его поездку. Мы с папой говорили тебе об этом, но ты не слышала нас. Пусть вы совершили

ошибку, пошли на поводу у своих чувств. А сейчас надо все поправить. Так поступают интеллигентные люди, а интеллигентность – это не столько образованность, сколько высокая культура. Это главное, понимаешь? Доброта и интеллигентность.

– Мамочка, я так тебя люблю! – Аня обняла маму, и обе заплакали.

– Девочки, я тоже вас люблю, а вы всегда меня выгоняете. Совесть есть? – Папа просунул голову в дверь. – Возьмите меня к себе.

– Мам, доброе утро! – Аня улыбалась, и Марина Сергеевна облегченно вздохнула.

– Доброе утро! Знаешь, я тут подумала... Словом, это лето мы с тобой потратим на очень важное для любой женщины занятие.

– Что же это такое?

– Женская школа выживания.

– Что? – опешила Аня.

– Сейчас в Москве открылось много школ по подготовке моделей.

– О, самолетики я тоже люблю. – Папа влетел на кухню, расправив руки, как крылья.

– Коль, ну какие самолетики? Я говорю о фотомоделях, о манекенщицах. Так понятно? – засмеялась мама.

Аня с папой вытаращили глаза.

– А зачем ей эта чепуха? – Николай Петрович первым пришел в себя.

– А затем. Там учат ходить, а не топать, садиться, а не плюхаться, краситься, а не мазаться, и так далее. Там учат шарму.

– Ах, вот оно что... Мы будем на Аньке деньги заколачивать?

– Мы будем в Аньку деньги вкладывать. Знаешь, сколько

это стоит! Ань, ну что ты молчишь, как рыба об лед?

Аня молча встала, пошла в свою комнату, достала из рюкзака визитную карточку Лапушкиной сестры и также молча положила ее на стол перед родителями. Села, положила голову на сцепленные руки и серьезно посмотрела на маму.

– Ты хочешь сказать, что уже все решила? – удивилась мама, крутя карточку в руках.

– Мама, я хочу сказать, что я даже подумать об этом не смела. Но раз ты так сказала, значит...

– А я вам денег не дам! – резюмировал, самодовольно улыбаясь, Николай Петрович.

* * *

«Анна Малышева... Нет, Анна Николаевна Малышева – будущая супер-пупер модель, даже топ-модель. Прошу любить и жаловать.

– Вы хотите, чтобы я приняла участие в вашем проекте? Свяжитесь с моим агентом Иваном Евгеньевичем Волковым. Хотя, по-моему, у меня все расписано на ближайшие месяцы. Вам необходимо мое лицо? Не знаю, я могу понять ваши трудности, но поймите и вы меня. В сутках, к сожалению, только двадцать четыре часа. Как вы думаете, где мне выкроить время на дополнительные съемки? Ну, попытайтесь, мы рассмотрим ваши предложения.

– Алло, слушаю вас. Журнал „Космополитен“? Решение о

моем участии в вашем проекте пока не принято. Свяжитесь, пожалуйста, с моим агентом. Я думаю, мы сможем вам ответить на следующей неделе.

– Валентин Юдашкин? Ой, Валечка, здравствуй, дорогой! Не узнал, значит, богатой буду. Да-да, с показом все решено. Да, заключительное дефиле в свадебном платье. Только умоляю, без последующего фуршета. Я так устала! Мечтаю о восьми часах сна, как о несбыточном чуде. Будет ли Иван Евгеньевич? Сейчас узнаю. Ванюша, ты будешь на праздничном весеннем показе Валентина? Валечка, слышишь? Непременно. Жди. Привет жене».

Аня медленно шла к школе. «Во размечталась!» – посмеивалась она сама над собой. Но тут ее веселость как рукой сняло. Она вспомнила, что предстоит серьезный разговор с Ваней. Ей необходимо было объяснить ему все так, чтобы не возникло обид и непонимания. И сделать это лучше в спокойной обстановке, на своей территории, в уютной комнатке с любовно выращенными «растениями на подносе» – так называется эта тысячелетняя японская техника создания крошечных деревьев самых замысловатых форм.

– Здравствуй, солнышко! Или ты сегодня туча? – Ваня тревожно смотрел на Аню.

– Привет! Я сегодня премьер-министр, и у меня к тебе серьезный разговор. Поэтому после уроков и репетиций идем ко мне, а сейчас ни слова. Понял?

– Нет, но повинуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.